

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

МНОГО-ГРАННАЯ ВИКТОРИЯ

стр.8-9

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№51 (289)
ДЕКАБРЬ 2025

Бульварные новости

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ВДОВА

стр.4-5

стр.6-7

СМЕРТЬ НА ВЗЛЕТЕ

Геннадий Норд

В 1940 году в оливковом греческом предместье тихо ушел из жизни некий пожилой выходец из Петербурга. Власти отнеслись к этому печальному событию без всякого внимания: мало ли бывших граждан России, бежавших за рубеж от большевиков еще в 1917 году, нашли свое упокоение на землях древней Элады?

Лишь единицы знали, что этот бренный мир покинул легендарный международный авантюрист, мошенник, шулер высочайшего уровня и автор единственного в мире словаря «воровской фени», до сих пор известного в криминальном сообществе под названием «Блатная музыка» - Василий Трахтенберг!

**АХ, МАДАМ,
ВАМ ЭТА БРОШКА К ЛИЦУ!**

В 1881 году у питерского купца 2 гильдии Филиппа Трахтенberга родился сын. Наследника нарекли Васенькой, окружили заботой, игрушками и французскими гувернантками, к которым мальчишка по достижении уже 14-летнего возраста стал испытывать интерес не только как к наставницам по этикету и нюансам французского языка.

По окончании гимназии Василий успешно поступил в престижную Военно-медицинскую академию. Учеба толковому юноше давалась легко. Помимо стипендии, приличными деньгами отприску помогали родители, а легкий характер и масса свободного времени давали Василию возможность искать и находить развлечения в питейных заведениях, весьма далеких от академических лабораторий.

Вскоре у симпатичного и скорого на язык студента появились и «крутые» любовницы из числа столичных центральных этуалей, певичек кабаре и танцовщиц варьете. Внешний лоск надо было подкреплять и чем-то материальным, например, ювелирными «безделушками» из столичных магазинов.

Однако сообразительный юноша решил эту проблему иначе: своих подружек он одаривал дорогими вещами из шкатулки своей матушки, благо у купчихи их было предостаточно.

Впрочем, «благотворительность» отприска вскрылась быстро - после прошки любимой подвески его матери работы чуть ли не самого Фаберже. Родительское следствие и допрос были короткими, Василий «поплыл», «раскололся» и сдал всех своих невольных подельнико-полюбовниц, получив свой первый и важный криминальный урок на тему: «Не умеешь - не берись!»

На совместном совете экс-студенту, а его к тому времени уже выставили из Академии, было отказано в родительском крове и предложено искать себя в жизни самостоятельно. Отец выделил изгнаннику денежное ежемесячное содержание в 60 рублей, и двери отчего дома за Васиной спиной под всхлипывание его пассив-горничных захлопнулись навсегда.

Тогда никто и подумать не мог, что на улицы Петербурга ступил будущий великий махинатор и мошенник международного класса!

ВАША КАРТА БИТА, СУДАРЬ!

Еще во время учебы в Академии юный Трахтенберг свел знакомства с такими же питерскими «махорами», которых мало интересовали академические анатомики, но более всего - игорные дома-«катраны». Очень быстро Василий освоил сложные премудрости карточной игры, отточил их на менее удачливых партнерах-однокашниках и понял, что карты могут приносить денег в разы более выделенных ему «папа» шестидесяти рублей!

Начинающим картежникам по странному житейскому принципу всегда везет, вот молодому игроку Трахтенбергу тоже «поперло»!

Освоив несколько игорных катранов, познакомившись с их завсегдатаями, легкий в общении Василий очень быстро

Ваша карта бита, сударь!

БЛАТНАЯ МУЗЫКА

поймал фортуну и вскоре обогатился на несколько тысяч рублей: деньги по тем временам весьма солидные!

Молодой игрок снял престижные апартаменты недалеко от центра города, залел прислугу, и вскоре о его салоне уже вовсю заговорили в питерском бомонде. К нему зачастали солидные игроки, ставки повышались, экипажи подвозили цыган и расторопных половых из дорогих кабаков, звенели гитары и хлопали пробки от бутылок «Вдовы Клико»: в общем, жизнь на том этапе вполне удавалась.

Разве мог молодой удачливый повеса в углере круглосуточного разгуляя предвидеть, что в жизни могут появиться и менее приятные «этапы»? И они не заставили себя долго ждать.

**ОТ АЗАРТА ДО «КИДАЛОВА»
ПУТЬ КОРОТКИЙ**

Вскоре Трахтенберг, обладавший острой наблюдательностью и природным умением находить неожиданные выгодные решения в самых, казалось, непростых житейских ситуациях, понял, что приличные бабки можно поднимать не только на игорных столах, но и на доверчивости наивных партнеров, которых

он сразу записал в им же придуманную каству «лохов»!

Первым его «клиентом»-недотепой стал некий мещанин Быковский, неосторожно давший в газете объявление о том, что ищет место артельщика и готов за это прилично заплатить.

Вскоре с соискателем уже беседовал солидный господин, представившийся собеседнику владельцем крупной фирмы, которому как раз «до зарезу» нужен расторопный артельщик.

Конечно, этим солидным господином был Василий Трахтенберг, который очень быстро расположил к себе собеседника, пообещал ему важное место и получил 400 рублей задатка от обалденного от радости мещанина Быковского. Пообещав соискателю положить залог в банк и предоставить тому вексель, Трахтенберг о Быковском попросту сразу забыл.

Через пару недель ожиданий артельщик-неудачник сам обратился в банк по поводу своих денег, где ему объяснили, что никаких вложений на его имя там не получали, почувствовали бедолаге и посоветовали ему двинуться в прокуратуру, что тот и сделал, но...

В это время «владелец фирмы» Василий Трахтенберг уже высаживался с

чемоданами и кофрами на перрон московского вокзала, резонно рассудив, что в Москве «сладких лохов» ничуть не меньше, чем в Петербурге. В Питере же по слезнице Быковского против него уже возбудили уголовное дело, которое вскоре объединили еще с одним, возбужденным по заявлению хозяина крупного музыкального салона, в котором Трахтенберг взял «на время» дорогой рояль, пообещав отплатить сделку чуть позже.

Стоит ли говорить, что никакой оплаты, как и самого рояля, кинутый торговец так и не дождался, так как Трахтенберг этот музыкальный инструмент, вывозя из одного салона, тут же перепродал в соседний магазин!

Медленная машина российского правосудия стала раскручиваться...

Вскоре Василий Трахтенберг попался уже на неудачной сделке в самой Москве, пытаясь продать кому-то несуществующую землю в первопрестольной. Его арестовали и по этапу доставили в Питер. Там его ждал суд присяжных, которых молодой артистический аферист быстро разжалобил рассказом о трудном детстве вне дома без родительской ласки, голодных буднях и так далее.

О подаренных в ту пору питерским девицам маминых драгоценностях подсудимый, конечно, умолчал.

Верно говорят, что новичкам везет: всхлипывающие присяжные определили бедолаге всего один месяц тюрьмы, который Трахтенберг использовал с пользой для себя.

**ТЫ С УМА СОШЛА, КОЗА:
БЬЕШЬ ШЕСТЕРКОЮ ТУЗА?**

В столичной «хате» Василия встретили уже как опытного мошенника: с уважением и вниманием. Тем более, что недоучившийся в академии студент быстро помог сокамернику составить грамотную бумагу-жалобу на приговор суда. И этим укрепил свое положение авторитетного зэка.

В благодарность тот, оказавшийся известным московским шулером, взялся обучить Василия Трахтенберга некоторым профессиональным карточным хитростям.

Ученик оказался способным: уже перед выходом на свободу он обыграл и свое-

От азарта до «кидалова»

Бьешь шестеркою туза...

го учителя, и одного из охранников на приличную сумму «откинулся» на волю вновь состоятельный гражданином.

Негостепримный мрачный Питер уже не вызывал у Василия былого очарования, его манила златоглавая Москва, куда он прямо из «Крестов» и двинулся.

Будущий автор криминальной «фени» хорошо усвоил азы блатной жизни, определив для себя в ней беспрогрышную нишу: мошенничество! «Фармазоны» не ломали замков купеческих лабазов, не вскрывали сейфов, они брали своих «клиентов», умея сначала располагать их к себе, а уж потом и обирать до нитки.

В московской гостинице остановился солидный господин с благородными манерами. Дородная шуба и визитка на имя графа Барятинского у администрации ничего кроме крайней почтительности к постояльцю не вызвали. Ко всему прочему, вновь прибывший «граф» занял самые авантажные апартаменты, с порога заказав в номер дорогущие вина и закуску и, ошарашив полового невиданными чаевыми.

В тот же вечер Барятинский-Трахтенберг сел за игорный стол в московском Купеческом клубе.

Через сутки московские «Биржевые ведомости» растирнули о том, что накануне в известном клубе малоизвестный игрок с благородными манерами лихо «опрокинул» почти на двадцать тысяч рублей владельца крупного золотого прииска из Сибири. Деловой мир московских купцов и фабрикантов насторожился: так круто в их клубе еще не везло никому! Одновременно возбудились и в московском полицейском управлении.

И не напрасно!

Сыщики по своим каналам установили, что «граф» Барятинский и уже судимый в Питере мошенник Трахтенберг - одно и тоже лицо. За удачливым игроком установили негласное наблюдение, что, конечно, дало свои результаты. Во время одного из сеансов игры Трахтенберга удалось подловить на крапленых картах!

Скандал, арест, новый суд уже в «златоглавой», и очередная гуманность прихожих: всего полгода тюрьмы!

Отсидев этот детский срок «граф Барятинский», тут же уехал из Москвы в родной ему Питер, резонно рассудив, что на родине, наверняка, забыли о его ранних шалостях.

В поезде воровская фортуна вновь стала благосклонной к Трахтенбергу: он познакомился со случайным попутчиком, который после совместной бутылки «Шустовского» поведал доброму «графу Барятинскому» о том, что везет в Питер дорогую средневековую итальянскую картину на продажу. «Граф» конечно тут же вызвался помочь ему в сделке, назвав в качестве своих друзей известных питерских коллекционеров. Информация и еще одна бутылка коньяка сделали свое дело: картина вскоре перешла в руки добровольного помощника.

Обещание Трахтенберг, конечно, выполнил, картину продал, денег, естественно, владельцу ни копейки не отдал, а, махнув рукой на прощание и ему, и городу своей юности, отбыл в Париж!

издалека».

Очень быстро князь-самозванец среди разношерстного парижского бомонда отыскал некую графиню Декур де Шатильон, которая на поверку оказалась известной в Европе мошенницей Жозефиной Симонет, в чем девица сразу и призналась своему ухажеру. Видимо, мадам Симонет тоже испытывала в тот момент в своей работе «кадровый голод», так что «сладкая парочка» немедленно заключила обоюдовыгодный контракт по вышиванию денег у доверчивых французских лохов.

Вскоре к ним примкнул «секретарь принца Орлеанского» и, по совместительству, «владелец золотых южноамериканских приисков» некто Пан ди Бриссон. То, что «золотопромышленник» в жизненных реалиях был мелким клерком в каком-то дамском магазинчике, соучастников лишь обрадовало: «знай наших!»

Мошенники начали действовать быстро и изобретательно.

«Графиня де Шатильон» на каком-то приеме очаровала приехавшего в Париж

Конечно, случился международный скандал, началось расследование, которое выяснило, что «князь Трубецкой» помимо российских успел всучить французам и какие-то несуществующие африканские рудники!

В общем, поговорка «знай наших» на землях Франции раскрылась в полном объеме.

Кстати, Трахтенберг с идиш на русский язык переводится как «думающая гора». Масштабно, однако...

СКОЛЬКО ВЕРЕВОЧКЕ НЕ ВИТЬСЯ

Василия Филипповича без графских и прочих почестей, но в кандалах привезли в Россию, где его ждали радостные следователи, новые уголовные дела, включая и хищение редкой итальянской картины у доверчивого попутчика под Шустовский коньяк.

Суд был скорым, так как доказательств у следствия было предостаточно, да и сам фигурант не только не запирался, но искренне и подробно делился с интересантами всеми деталями своих похождений.

В этот раз Василию Трахтенбергу суд определил три года тюремы и отправил его по этапу как раз на те самые российские рудники и прииски, которые он давеча так удачно втихомодо французам. Возможно, на присяжных повлияла речь самого Трахтенберга, в которой он убедительно уверял их, что таким способом хотел отомстить потомкам Наполеона за войну 1812 года.

Может, и вправду хотел...

А ЗА БАЗАР - ОТВЕТИШЬ?

На этот раз развенчанный «граф», «князь» и несостоявшийся лейб-медик отпущенний ему судом срок решил использовать позитивно: Трахтенберг взялся за написание серьезного труда о тюремном быте и, главное, - о самобытном языке уголовников, известном как «фена».

Книга удалась, благо автор знал все нюансы того, о чем писал.

После освобождения он издал свой труд под названием «Блатная музыка». Ее даже выпустили отдельными тиражами и за рубежом.

Говорят, что во Франции тоже.

Надо добавить, что Василий Филиппович Трахтенберг прославился не только словарем блатной лексики «Блатная музыка». Эта книга принесла ему широкую известность.

Но он еще написал и выпустил в 1909 году приключенческий роман «Необыкновенные похождения корнета Савина, знаменитого русского авантюриста». И поэтому с полным правом мог считать себя писателем.

БЛАТНАЯ МУЗЫКА

(«Жаргонъ» тюремы).

По материалам, собраннымъ въ пересыльныхъ тюрьмахъ: Петербургской, Московской („Бутырки“), Виленской, Варшавской, Киевской и Одесской; въ тюрьмахъ: въ „Крестахъ“, въ „Домѣ предварительного заключенія“, въ „Дерябинскихъ казармахъ“ (Петербургъ), въ „Каменникахъ“ (Москва).

Обложка первого издания книги, 1908 г.

УВИДЕТЬ ПАРИЖ И... ОСТОЛБЕНЕТЬ!

На перрон французской столицы из международного вагона шагнул уже не Василий Трахтенберг или граф Барятинский, но «князь Трубецкой». Столь звучный псевдоним Василий Филиппович взял себе очевидно из искреннего уважения к Петропавловской крепости, в Трубецком бастионе которой в те времена содержали наиболее изобретательных преступников.

Впрочем, и в далеком зарубежье Трахтенберг-Трубецкой не забыл русских пословиц, например - «рыбак рыбака видит

из России горного инженера господина Шенкеля. Визитер, хлебнувший «Вдовы Клико», был словоохотлив и подробен в своих рассказах. Подельники в деталях узнали важные подробности о работе российских рудников и металлургических предприятий, которые как раз говорливый Шенкель и представлял в Париже. Далее все было делом техники.

Влюбленный в «графиню» Шенкель помог аферистам документально оформить в долгосрочную концессию более тридцати российских приисков, которые Трубецкой-Трахтенберг впоследствии умудрился втихомодо французскому правительству!

Сколько веревочки не виться